

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЧАСТИЙ В ТРАКТАТЕ ИПАТИЯ ПОТЕЯ «УНІЯ ГРЕКОВЪ СЪ КОСТЕЛОМЪ РИМСКИМЪ» (1595)

Д. С. Матеша

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, vorobyova1810@gmail.com*

На основе анализа сочинения Ипатия Потей выявлено процентное соотношение причастных форм, использованных автором в тексте. Причастия охарактеризованы с точки зрения формы (архаичные/распространенные в народно-диалектном языке). Обнаружены функционально аналогичные причастным оборотам глагольные конструкции и обозначены возможные причины распределения автором причастий и их синтаксических синонимов по разным контекстам.

Ключевые слова: старобелорусский язык; церковнославянский язык; причастные формы; семантика.

ФУНКЦЫЯ НАВАННЕ ДЗЕЕПРЫМЕТНІКАЎ У ТРАКТАЦЕ ІПАЦІЯ ПАЦЕЯ «УНІЯ ГРЕКОВЪ СЪ КОСТЕЛОМЪ РИМСКИМЪ» (1595)

Д. С. Мацеша

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, 220018, г. Мінск, Беларусь, vorobyova1810@gmail.com*

На аснове аналізу сацынення Іпація Пацея вызначаны працэнтныя суадносіны паміж дзеепрыметнымі формамі, выкарыстанымі аўтарам у тэксце. Дзеепрыметнікі ахарактарызаваны з пункту гледжання формы (архаічныя/распаўсюджаныя ў народна-дыялектнай мове). Знойдзены функцыянальна аналагічныя дзеепрыметнікавым зваротам дзеяслоўныя канструкцыі і акрэслены магчымыя прычыны размеркавання аўтарам дзеепрыметнікаў і іх сінтаксічных сінонімаў па розных кантэкстах.

Ключавыя словы: старабеларуская мова; царкоўнаславянская мова; дзеепрыметныя формы; семантыка.

В рамках компаративного исследования «Глагольные формы в старорусской и старобелорусской публицистике XVI в. (текстообразующий и стилистический аспекты)» мы изучаем функционирование причастных форм в старобелорусской публицистике конца XVI века. В качестве материала для анализа нами выбран полемический трактат Ипатия Потей «Унія грековъ съ костеломъ Римскимъ» (1595), написанный в защиту цер-

ковной унии католиков и православных на территории Великого княжества Литовского. Потей был одним из самых ярких публицистов рубежа веков. Его творческое наследие включает произведения на польском и старобелорусском языках. Будучи просветителем и проповедником, «ён, як правіла, прамаўляў на беларускай мове, якой валодаў бездакорна» [1, с. 268].

Сочинение «Унія грековъ съ костеломъ Римскимъ» представляет собой яркий образец живой речи того времени (автор чрезвычайно эмоционален, использует многообразные приемы диалогизации текста) и в то же время написано в книжном стиле. Из всех глагольных форм нас в первую очередь интересуют причастия, поскольку их доля и функционирование в текстах отражают различия стилистических систем двух литературных языков – церковнославянского и старобелорусского.

Как известно, на территории Московской Руси до конца XVII в. сохранялась церковнославянско-русская диглоссия, в то время как письменно-литературным и официальным языком Великого княжества Литовского (XIV–XVIII вв.) являлся старобелорусский язык («проста мова», «руська мова»). В связи с тем, что влияние церковнославянского языка на старобелорусский язык в XVI в. было по многим причинам ослаблено, причастные формы в старобелорусских публицистических текстах использовались в значительно меньшем объеме, чем в старорусских полемических трактатах того же периода. При этом самый конец века характеризуется повышением удельного веса церковнославянских форм в памятниках старобелорусской письменности, «што знаходзіць сваё тлумачэнне ў агульнай культурнай абстаноўцы таго часу» [2, с. 227].

Ограниченное употребление причастий в исследуемом тексте является для нас преимуществом, поскольку дает возможность глубже понять природу этих отглагольных форм: определить контексты, в которых они трудно заменяемы, и выявить семантические различия между ними и сходными глагольными конструкциями.

Несмотря на то что некоторые выводы могут показаться очевидными (причастные формы используются в тексте для создания более высокого стилистического регистра; обострение борьбы между католиками и православными во второй половине XVI в. вынуждало защитников православия обращаться к ресурсам «царкоўнаславянскай мовы як да афіцыйнай мовы праваслаўнай царквы» [2, с. 228]), мы предполагаем, что есть более глубокие причины использования/неиспользования старобелорусскими публицистами книжных церковнославянских форм, в частности причастий.

В анализируемом тексте встречаются четыре разновидности причастных форм. Абсолютное большинство составляют страдательные причастия прошедшего времени (71 %; при этом краткие формы количественно превышают полные). На втором месте по частотности употребления – действительные причастия настоящего времени (23 %). Значительно реже автор прибегает к формам страдательных причастий настоящего времени (3 %) и действительным причастиям прошедшего времени (3 %).

В работе мы попытаемся ответить на следующие вопросы: почему в сочинении Ипатия Потя одни причастные формы встречаются чаще других, с какой целью публицист прибегает ко в целом нехарактерным для старобелорусского языка XVI в. причастным формам и какие глагольные конструкции, функционально аналогичные причастным оборотам, но отличающиеся от них по семантике, присутствуют в тексте.

Охарактеризуем наиболее многочисленную группу страдательных причастий прошедшего времени. Прежде всего обратимся к полным формам страдательных причастий прошедшего времени, которые В. В. Виноградов определял как наиболее приближенный к именам прилагательным тип [3]. То, что ученый именовал «качественным значением» по отношению к формам современного русского языка, мы, основываясь на примерах старобелорусского сочинения Ипатия Потя, можем охарактеризовать как временную неактуализированность. Эти формы действительно чаще всего относятся к сфере божественного, существующего в вечности, вне времени: *многочынное стадо, неошацованымъ* скарбом – *Кровю Христовою искупеное*; *Дух Светый <...> могъ быти правдивымъ а прирожденнымъ* образомъ.

Сходны по семантике примеры, в которых полные формы страдательных причастий прошедшего времени относятся к явлениям, связанным с действием дьявольских сил. Ощущения вневременности при их восприятии не возникает, тем не менее трудно установить конкретный момент, в который было совершено «застывшее» в причастии действие: *антихристь будетъ нѣкоторый человекъ отъ дьявола впроважоный, чарами и чарнакнижствомъ опатренный*; *отъ Жидовъ принятый* будетъ *стояти на мѣстѣ светомъ*. В последнем примере обращает на себя внимание малораспространенная в старобелорусском языке форма страдательного причастия с суффиксом *-т-*. Подобные формы встречаются в тексте лишь несколько раз (*рытыхъ, принятый, зленабытые*).

Третью категорию полных форм страдательных причастий прошедшего времени составляют причастия, с помощью которых «конденсируется» действие, информация о времени совершения и о совершителе которого коммуникативно неважна. Важен лишь факт наличия результата дей-

ствия в настоящий момент: *есть у кого книгъ писаныхъ*; «въ Рыме *фундо-
ванной и постановленной церкви*»; *от порадныхъ пастырей въ церкви
Божой постановленныхъ*.

Что касается кратких форм страдательных причастий прошедшего времени, то их семантика отличается от семантики полных форм главным образом тем, что они способны выражать идею о возможном совершении действия в будущем, о желаемом действии: *будетъ постановлена брыд-
кость на спустошеніе* (интересно, что наряду с формами, в которых происходит чередование с губными согласными основы, в тексте встречаются формы, в которых чередования на этом месте не происходит: *искупеное, постановена*; считается, что эта особенность словообразования причастий возникла в старобелорусском языке под влиянием польского); *нехай бу-
дутъ ратованы умерлые* (пример отмечен тем, что в нем соседствуют два причастия, одно из которых, субстантивированное, является более архаичным по форме, восходящей к особому типу праславянского причастия действительного залога прошедшего времени с суффиксом *-л-*); *пламе-
немъ чистительнымъ будутъ очищени* (здесь краткая форма страдательного причастия выделяется архаичным старославянским окончанием *-и*, согласующимся с местоимением мужского рода *одны*; пример не единичен в тексте).

Также названные формы могут быть связаны в тексте с семантикой долженствования: *съ пилностію стеречи **р**осказано; яко нам **на**значоно;
то на папежа не можетъ быти ни якимъ кзвалтомъ **на**тегано* (последняя форма интересна тем, что является специфической именно для старобелорусского языка).

Следует перечислить примеры, сближающиеся по семантике с уже рассмотренными полными формами страдательных причастий прошедшего времени – информация о времени совершения действия либо о его совершителе не важна: *от гласа вопля поборникъ его **под**вигнута есть вся земля; антихристъ есть **на**зван челоукомъ грѣху; Константина града епископъ, по Римстемъ, **поч**тень есть*. Однако позиция сказуемого делает приведенные формы рематическим центром высказывания, вследствие чего они приобретают большую утвердительную силу по сравнению с полными формами. Возникает ощущение абсолютной законченности действия, константности и неизменности его результата.

Важно отметить, что большинство обнаруженных в тексте конструкций с краткими страдательными причастиями трудно трансформировать в другие глагольные конструкции, поскольку для этого требуется построение неопределенно-личных предложений.

В ходе анализа употреблений действительных причастий настоящего времени было выявлено, что публицист обращается к данным формам

в основном для цитирования сочинений Отцов Церкви и известных богословов. Ипатий Потей приспособливает церковнославянские тексты к старобелорусскому произношению, о чем свидетельствуют яркие фонетико-орфографические особенности лексем: «*Сей есть Духъ изъ Отца, изъ Сына **исходящій**, изъ оного Сына и въ немъ прироженне **будущаго***»; «*Духъ Светый яко водлуг истности и Сыновское есть яко изъ Отца истотне черезъ Сына невымовне рожьденаго походящій*». Такая техника, «максимальны літаралізм» [4, с. 59], была одной из самых распространенных в Средневековье и начале Нового времени на территории ВКЛ: «Згодна з гэтай тэхнікай у выпадку блізкароднасных моў <...> лексіка, фразеалогія і сінтаксіс арыгінала захоўваліся ў максімальнай ступені (часам нават і флексія)» [4, с. 59].

Причастные формы в приведенных примерах теоретически могут быть трансформированы в придаточные определительные предложения. В этом контексте интересен пример, в котором автор как бы дублирует одно и то же содержание, поясняя его более органичной для родного языка конструкцией: *Сынъ есть дхнущымъ, то есть который дышаетъ, а Дух Светый через дхнене походящій*. Высказывание представляет собой не дословную цитату, но пересказ слов Григория Назианзина и является, пожалуй, единственным примером авторской поясняющей трансформацией действительного причастия в придаточное определительное предложение. Собственно старобелорусских действительных причастий с суффиксом -ч- в тексте практически не было обнаружено. Единственный пример – *Христось Духа своего зъ своее истности, Бога зъ Бога, зъ себе истотне **будучо**, апостоломъ и облюбенницы своей показаль*. Показательно то, что форма принадлежит авторскому тексту, не включена в цитату.

В целом же придаточные определительные предложения и деепричастные формы (которые могли бы быть заменены действительными причастиями настоящего времени), как правило, используются в тексте для передачи остроактуального содержания, связанного с конкретным лицом, событием, или в случаях явно выраженного негативного отношения автора к описываемому факту: *А намъ, горкимъ часто епископомъ, которые власть не отъ послитого человека, але отъ Бога и парадныхъ пастырей <...> маемо; о пастырехъ овецъ нѣмыхъ и безсловесныхъ, которые за наймомъ дочаснымъ отъ пановъ своихъ стада ихъ пасутъ*.

Что касается немногочисленных употреблений страдательных причастий настоящего времени и действительных причастий прошедшего времени («беларускай народна-дыялектнай мове старажытнага перыяду такія дзеепрыметнікі не былі ўласцівыя» [5, с. 296]), то вполне очевидно, что они используются автором в качестве устойчивых определений: *свое писма черезъ особъ легкихъ **незнаемыхъ** подають; людемъ простымъ*

и невѣдомымъ очи отворилъ. Повторяющаяся в тексте форма *усопших* выполняет функции имени существительного: *ижъ се молимо за усопшихъ*.

Таким образом, на поставленные в начале работы вопросы проанализированный материал позволяет дать следующие ответы. В полемическом трактате «Унія грековъ съ костеломъ Римскимъ» Ипатия Потей чаще всего используются страдательные причастия прошедшего времени. Это был наиболее распространенный тип причастий в народно-диалектном языке того периода. Публицист ориентировался на широкую читательскую аудиторию, всю «православную паству» ВКЛ, поэтому неудивительно частое использование им наиболее употребительных форм, образованных по продуктивным моделям. Также, вероятно, автор активно прибегал именно к страдательным причастиям прошедшего времени, поскольку они многофункциональны и трудно заменяемы.

Действительные причастия настоящего времени являются достаточно распространенными в тексте, однако их употребление является скорее результатом калькирования церковнославянских конструкций в процессе перевода цитат, причем они относятся исключительно к сфере трансцендентного. Для характеристики актуальных и конкретных фактов действительности автор прибегает к придаточным определительным предложениям и деепричастным оборотам.

Библиографические ссылки

1. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / Уклад, прадм., камент. І. Саверчанкі. Мінск : Кнігазбор, 2007.
2. Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. Т. 1. Мінск : Навука і тэхніка, 1967.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высшая школа, 1972.
4. Клімаў І. П. Функцыянаванне і ўзаемадзеянне розных славянскіх моў і літаратур у Вялікім Княстве Літоўскім // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка : XV Міжнародны з’езд славістаў (Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.) : даклады беларускай дэлегацыі / [рэдкалегія : А. А. Лукашанец (адказны рэдактар) і інш.]. Мінск : 2013. С. 53–72.
5. Булыка А. М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. Мінск : Навука і тэхніка, 1979.